

Кристоф фон Донаньи: "Малер жил в ретроспек- тивную эпоху"

Кристоф фон Донаньи, уже более 17 лет возглавляющий Кливлендский симфонический оркестр, являющийся главным дирижером лондонской Филармонии и консультантом Парижского оркестра, известен как замечательный интерпретатор австро-германской традиции от Гайдна до Хенце. Некоторое время назад он провел в Лондоне нечто вроде фестиваля "Малер и Вена — начала и концы".

Многие рассматривают Малера как некий поворотный пункт в истории австро-германской музыки, как композитора, олицетворявшего переход от романтизма к модернизму. Однако фон Донаньи не разделяет эту точку зрения. "Я согласен с Леонардом Бернстайном, — говорит он. — Малер был завершением, а не началом. Однако он стал основоположником целой школы интерпретации. Замечания и указания, которые он сделал в своих партитурах, были замечаниями, оставленными нам композитором, дирижировавшим собственными произведениями. Они очень детальные, и им приходится следовать".

Наступление нового века, считает фон Донаньи, позволит нам более точно определить место Малера в его времени. "Симфонии Малера — это музыка конца века; Шенберг взял у него то, что обращено назад. Вся эпоха, в которую жил Малер, была ретроспективной; люди очень жалели самих себя. Это было время интенсивного творчества, породившее великое искусство, однако оно было обращено вспять, потому что смотреть на других — совсем не то, что смотреть на себя. Венцы всегда были и остаются саморазрушителями, они полны жалости к себе, однако способны дарить миру талантливейших художников.

Были композиторы, вроде Шенберга, которые смогли отрешиться от всего этого, сумели порвать с прошлым и взглянуть в будущее. История музыки в этом отношении совершенно уникальна; вот Шенберг пишет "Просветленную ночь", а Веберн — "Летний вечер", произведения позднего романтизма, и буквально тут же

из-под их пера выходит музыка, полностью порывающая с предшествующим. Это действительно объяснялось наступлением нового века — все менялось, и политически и социально; появлялись машины и аэропланы, невозможно было быть одновременно Шопенгауэром и Эйнштейном".

Из новых венских классиков Берг был наименее бескомпромиссным. "В этом его величие, — полагает фон Донаньи, — он хотел быть понятным. Шенберг, тот практически не заботился об этом. Он был одним из тех, с кого началось это веяние: "Не важно, хотят ли люди слушать мою музыку, — когда-нибудь захотят". А Веберн даже сказал одному из своих учеников, что наступит день, когда все будут насвистывать его мелодии на улице — невероятная переоценка человеческого слуха!

Люди вообще гораздо лучше способны запоминать визуальные образцы, нежели музыкальные. Вот почему они десятки раз ходят на "Тоску" — чтобы потом напевать ее темы. Что касается современной музыки, я всегда говорю людям, чтобы они не пытались запомнить ее, а наслаждались моментом. Если бы только они открыли сознание и слух, они смогли бы без смущения слушать Веберна и Булеза. Они говорят, что не понимают этих композиторов, но это неправда. Просто они не могут напевать их музыку и чувствуют себя неуютно от того, что не в состоянии ее запомнить".

Рос. муз. газета - 2000 - 16 (июнь) - с. 9